

ВЛАДИМИР ХОДАНОВИЧ

БЛОКАДНЫЕ БУДНИ ОДНОГО РАЙОНА ЛЕНИНГРАДА

Владимир Ходанович

**Блокадные будни одного
района Ленинграда**

«Центрполиграф»

2015

УДК 94(470.23-25)
ББК 63.3(2-2 Санкт-Петербург)

Ходанович В. И.

Блокадные будни одного района Ленинграда / В. И. Ходанович —
«Центрполиграф», 2015

О Ленинградской блокаде написано немало. Казалось бы, эта горькая тема во многом исчерпана, но находятся все новые и новые свидетельства об этом трагическом периоде в истории Северной столицы. Книга Владимира Ходановича из этого ряда. Речь пойдет о блокадных буднях одного района Ленинграда – парка имени 1 Мая (нынешнего «Екатерингофского») и его ближайших окрестностей в период с начала 1941 по январь 1944 года. Вы прочтете о том, как выживали ленинградцы в годы тяжелых испытаний, о тех, кто не дожил до Победы, о предприятиях, школах, детских садах, яслях блокадной поры. Об оборонительных сооружениях и медсанбатах, которые располагались рядом с парком... Основу книги составили материалы нескольких архивов, в том числе рассекреченных дел, и мемуары жителей этого района блокадного Ленинграда, как опубликованные, так и публикуемые впервые.

УДК 94(470.23-25)
ББК 63.3(2-2 Санкт-Петербург)

© Ходанович В. И., 2015
© Центрполиграф, 2015

Содержание

Необходимые пояснения и дополнения	6
Глава 1	17
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Владимир Иванович Ходанович

Блокадные будни одного района Ленинграда

Необходимые пояснения и дополнения

Окрестности нынешнего парка «Екатерингофский», как выяснилось по прочтении мной изданной за последние десятилетия литературы о блокаде Ленинграда, упоминаются нечасто. Разве что площадь Стачек и Нарвские триумфальные ворота, и то больше – в аннотациях фотографий военной поры, а уж улицы Калинина, Бумажная, Лифляндская, Промышленная, упраздненная полвека назад Молвинская, Нарвский проспект, набережная Екатерингофки и омываемые ею острова – по сути, обойдены.

Умысла здесь не было. Так сложилось.

Ведь где жили авторы блокадных дневников и воспоминаний, цитировавшихся или использовавшихся в подавляющем большинстве изданий о блокаде? В центре города, на Петроградской стороне, в восточной части Васильевского острова, на Охте... Или где работали в годы войны? На «Кировском заводе», предприятиях Выборгской стороны, в центральных районах города, опять же.

Надеюсь, эта книга восполнит еще не сказанное. И о «забытом» районе, и главное – о людях, в нем живших и живущих.

Будет ли известно нам всё о блокаде? По нынешним временам, очень нескоро. Оптимизма нет.

Незадолго до своей смерти писатель Виктор Астафьев сказал, когда же возможно российские люди узнают всю правду о Великой Отечественной войне. Сказал очень точно. Но непечатно.

Я же вынужден, увы, присоединиться к своим коллегам-историкам, к их уже поднадоевшим массовому читателю абсолютно справедливым сетованиям, что не все архивные дела до сих пор доступны. Не для ознакомления (это, по осуществлению положенной процедуры, возможно), а для последующей открытой печати.

К сказанному доктором исторических наук, профессором Г.Л. Соболевым, что «многие важные документы Государственного Комитета Обороны, Совнаркома СССР, ЦК КПСС, НКВД, имеющие непосредственное отношение к обороне Ленинграда, все еще остаются на

секретном хранении»¹, добавлю (также многим известное), что и на таком же хранении остаются, например, в ЦГАИПД СПб переписка ленинградских райкомов с органами НКВД 1941–1944 гг., протоколы заседаний бюро райкомов ВКП(б).

Среди предположений о причинах наличия «секретной информации» в заседаниях бюро райкомов спустя три четверти века после войны на первый план выступает такое. Скажем, в годы блокады на вверенных райкомам партии территориях были найдены залежи урановой руды, началась их разработка, которая продолжается и по сей день.

Или всё происходит, как в известном фильме Э. Кустурицы «Подполье»?..

В ряде описей ЦГАИПД СПб напротив дел протоколов собраний ленинградских первичных организаций ВКП(б) и ВЛКСМ предприятий и учреждений стоит отметка «уничтожено» (по актам 1966, 1977 гг.).

В последние двадцать лет предприняты попытки издания обобщающих трудов по истории Ленинграда периода блокады.

Сам факт попыток можно только приветствовать.

Однако ж...

Более 670 страниц насчитывает издание «Блокада Ленинграда», названное автором и редактором «энциклопедией»². Перечислен не один десяток источников, которые использовались при написании труда. Но на самом деле, по содержанию, это – биографический справочник. Тоже немаловажно, но еще бы указать: какие критерии использовались при отборе материала. В издании мы найдем и Таню (а не *Татьяну*, с отчеством, как положено для биографических справок), и профессора вуза, и фрезеровщика Кировского завода, и поэта Джамбула. Все бы ничего, но есть справки о лицах, в которых даже не указано, жил ли человек в блокадном Ленинграде вообще, чем он занимался именно в годы блокады, а не в послевоенные годы. А так: «В годы войны – многостаночник», «участник обороны Ленинграда и важных уральских строек»³. И не нашлось, например, в «энциклопедии» места Геннадию Степановичу Суворову, с декабря 1941 г. и всю блокаду – директору комбината «Советская Звезда» (на Лифляндской улице), за организацию сохранности своего предприятия в годы войны награжденному медалью «За трудовую доблесть».

Несколько уточнений, пояснений и необходимых дополнений к главам книги.

Мной использованы как опубликованные воспоминания, так и неопубликованные – из числа моих записей и хранящихся в Обществе жителей блокадного Ленинграда Адмиралтейского района муниципального округа «Екатерингофский» подлинников.

Особо о дневниковых записях И.В. Назимова изданных в сборнике «Будни подвига»⁴ не отдельным текстом, а выдержками, по выбранной составителем тематике. Примерно до середины июня 1942 г. И.В. Назимов жил у площади Стачек, в доме № 54, кв. 65 по проспекту Газа⁵. В его записях – сведения о тех окрестностях парка имени 1 Мая, которые стали предметом моего рассмотрения.

В своих предыдущих книгах я частично использовал записанные мной в 2011 г. воспоминания Надежды Павловны Лавровой. В 2015 г. по моей просьбе она в письменной форме их дополнила и значительно расширила. В книге воспоминания Н.П. Лавровой публикуются отдельно.

¹ *Соболев Г.Л.* Блокада Ленинграда: от новых источников к новому пониманию // Новейшая история России. 2012. № 3. С. 80.

² *Мелуа А.И.* Блокада Ленинграда: Энциклопедия / под ред. С.Г. Гумена. М.; СПб., 1999.

³ Там же. С. 420–421.

⁴ *Будни подвига: блокадная жизнь ленинградцев в дневниках, рисунках, документах* / сост. В.М. Давид. СПб.: Информационно-издательское агентство «ЛИК», 2006.

⁵ Центральный государственных архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 1728. Оп. 1. Д. 609396. Л. 2 об.

Воспоминания Зинаиды Павловны Кузнецовой частично опубликованы в сборнике в 2011 г.⁶, в полном виде – три года спустя⁷. В феврале 2015 г. я встретился с Зинаидой Павловной, неоднократно созванивался, и она в устной форме внесла уточнения и дополнения к своим воспоминаниям.

Среди опубликованных сборников выделяются два, составленных из воспоминаний членов Общества жителей блокадного Ленинграда муниципального округа «Екатерингофский»⁸. Я использовал воспоминания тех авторов, жизнь которых в предвоенные годы и в годы Великой Отечественной войны в той или иной степени была связана с окрестностями парка имени 1 Мая.

Я встретился с двумя авторами вышеназванных сборников.

Юрий Ефимович Давыдов, помимо участия в сборниках, выпустил свои воспоминания отдельной брошюрой⁹. Он в устной форме в 2015 г. дополнил изданное и предоставил мне материалы из своего личного архива.

Татьяна Ивановна Давыдова также дополнила свои воспоминания. Полный текст мной был отредактирован, и после согласия автора в книге помещен отдельно.

Дополнения в воспоминания приводятся с указанием автора в скобках или оговариваются в сносках.

В книге впервые публикуются отрывки из воспоминаний участника Великой Отечественной войны Раисы Сергеевны Фадеевой (Филипенковой), записанные мной при личной встрече в апреле 2015 г.

Впервые публикуются также воспоминания Галины Петровны Гольцовой (Чепиковой), жизнь которой в предвоенные и годы блокады оказалась связанной с окрестностями парка имени 1 Мая. Воспоминания записал ее сын, Н.Н. Гольцов.

Воспоминания двоих жителей блокадного Ленинграда были опубликованы посмертно – Т.Ф. Журавлевой (1915–2007) и В.В. Егорова (1934–2006). С момента выхода сборников до дня, когда я пишу эти строки, несколько авторов воспоминаний уже ушли из жизни – Е.И. Баршенина, В.Д. Купцова, Е.Е. Моржова, М.И. Пантелеева, А.И. Плященко. Некоторые переехали в другие районы или города. Дневниковые записи и воспоминания цитируются в предлагаемой книге разным объемом. И может показаться, что в отдельных случаях можно было бы сократить цитату, пересказать «своими словами». Помимо известных и лежащих на поверхности аргументов против «пересказа», приведу и такой: при всем старании ныне живущих авторов или их умении литературной обработки текстов есть отрывки, которые – не пересказать. Скажем, короткая, всего в три предложения, дневниковая запись главного инженера ленинградской 5-й ГЭС на Охте за 30 августа 1942 г.: «*По Неве мимо станции плывут трупы красноармейцев. Весь день плывут трупы. Выше по реке у Ивановского идут бои*»¹⁰.

Что касается иллюстративного материала, тут может возникнуть первый вопрос: почему не использованы фотографии собственно парка имени 1 Мая военной поры?

Ответ, возможно, будет подробным. Но это необходимо.

28 июня 1941 г. в «Ленинградской правде» был опубликован приказ № 1 начальника гарнизона города Ленинграда – «Об обеспечении общественного порядка и государственной

⁶ Муравьева И.А. Блокадные дневники. Мифы и реальность // Забвению не подлежит: Статьи. Воспоминания. Дневники. Документы. 70 лет со дня начала Великой Отечественной войны и 70 лет со дня начала 900-дневной блокады Ленинграда / Ком-т по культуре прав-ва СПб.; ГММ обороны и блокады Ленинграда. Вып. VIII. СПб.: ООО «Союз-дизайн», 2011. С. 69–97.

⁷ Зинаида Кузнецова. Воспоминания // Ленинградцы: Блокадные дневники из фондов Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда. СПб., 2014. С. 15–40.

⁸ Мы помним...: Воспоминания о блокаде жителей Екатерингофского округа Санкт-Петербурга. СПб., 2011; Воспоминания о блокаде: Воспоминания членов Общества жителей блокадного Ленинграда муниципального округа «Екатерингофский». СПб., 2012.

⁹ Давыдов Ю.Е. Воспоминания о блокадном Ленинграде. СПб., 2011.

¹⁰ Будни подвига. С. 181.

безопасности в гор. Ленинграде», которым запрещалось производить фото- и киносъемку в пределах Ленинграда без разрешения коменданта гарнизона города.

За несколько дней до начала войны часть парка имени 1 Мая была изъята из ведения Ленинского райсовета и перешла в ведение 2-го корпуса ПВО (об этом пойдет речь далее). И понятно, что ни о какой открытой фотосъемке самого «объекта» ПВО и территории, где бы этот объект попал в кадр («в радиусе 500 метров»), речи не могло уже идти.

16 мая 1941 г. заведующая секретной частью Исполкома Ленгорсовета направила всем заведующим секретными частями райисполкомов и начальникам спецотделов письмо, согласно которому «для получения разрешения на право производства фото-кино-съемок, впредь необходимо обращаться в... 5-й отдел НКГБ с представлением»¹¹.

Отныне, чтобы иметь право фотографировать на объектах, надо было, для начала, попасть в список, подписываемый руководителем предприятия (организации) и начальником секретной части. Против фамилии, имени и отчества надлежало указать «время и место рождения», «сословие и соц. положение», «профессию или специальность», «партийность и стаж», ответить на вопросы «служили ли Вы или Ваши родственники] в войсках или учреждениях] белых правительственных] чин[овников] (должность), где, когда и проживали ли на территории бел[ых]», «имеете ли за границей или ин. миссиях родств. или бл[изких] знакомых»¹².

Это главные причины (другие – далее), почему, рассматривая историю собственно парка «Екатерингофский» в годы войны, нет возможности проиллюстрировать текст фотографиями, сделанными ленинградскими фотолюбителями. Главным (на данный момент) иллюстративным материалом остаются результаты немецкой аэрофотосъемки 1941–1943 гг.

Г.Л. Соболев подчеркивает, что в условиях военного времени разрешение на фотосъемки имели в первую очередь фотокорреспонденты Ленинградского отделения ТАСС и периодических изданий. Но из 30 тысяч снимков блокадного времени разрешение цензуры на печать получили только чуть более 7 тысяч¹³.

Здесь же уточню, что фотографировали в годы блокады в городе не только корреспонденты Ленинградского отделения ТАСС, но и, судя по мемуарным источникам, иные лица. «Муж маминой сестры был туберкулезником, его на фронт не брали. Он был фотографом, ходил на военные корабли и делал фотографии, за что ему платили полстаканчика крупы, которую мы делили на всех»¹⁴.

И еще. Вполне возможно, что фотографии, сделанные в парке имени 1 Мая (или около него) в июле 1941 – январе 1944 гг. и были в фондах Музея обороны Ленинграда, но известно, что в связи с «ленинградским делом» в период 1949–1953 гг. (до приказа от 5 марта 1953 г. о ликвидации музея) были почти полностью уничтожены и его экспонаты, и фонды.

Широко известен ряд фотографий с Нарвскими триумфальными воротами, опубликованных как в военное время¹⁵, так и в послевоенные десятилетия.

Вместе с тем по ряду аннотаций к опубликованным снимкам и к снимкам 1941–1942 гг., содержащимся в фондах Центрального государственного архива кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга (ЦГАКФФД СПб) где на втором плане возвышаются Нарвские триумфальные ворота, есть замечания (которые также будут изложены далее).

Часть иллюстраций к настоящему изданию взята из опубликованных источников, часть – из личных архивов и часть документов для копирования была мне предоставлена Т.И. Давыдо-

¹¹ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 3200. Оп 5. Д. 13. Л. 19.

¹² Там же. Л. 20.

¹³ См.: Соболев Г.Л. Блокада Ленинграда. С. 86–87.

¹⁴ Паителеева Маргарита Ислямовна. Только отдельные эпизоды военных дней // Мы помним... С. 16.

¹⁵ Наиболее известны фотографии Д.И. Трахтенберга «Ленинград в Октябре 1942 г. У Нарвских ворот. Танки идут на фронт» и «Ленинград в дни Отечественной войны. Самоходные орудия идут на фронт» (Ленинградская правда. 1942. 30 окт.; 1944. 1 янв.

вой, председателем Общества жителей блокадного Ленинграда муниципального округа «Екатерингофский».

Вопрос, который, естественно, не мог не возникнуть при написании этой книги: сколько жителей в районе парка имени 1 Мая (на Молвинской улице и в домах нечетной стороны набережной Бумажного канала), окрестных улиц Нарвского проспекта скончалось или погибло в годы блокады Ленинграда?

Скажу сразу. Указать точные цифры по конкретной улице, проспекту, переулку, набережной или конкретному дому возможности нет – и не будет. Об этом пишут и говорят почти все. Причин достаточно много. И о них также известно¹⁶.

И уже неоднократно опубликована выдержка из раздела «Похоронное дело» отчета городского управления предприятиями коммунального обслуживания (УПКО) (от 5 апреля 1943 г.): «По данным кладбищ города, далеко не точным, возможно завышенным, ими за период с 1 июля 1941 г. по 1 июля 1942 г. захоронено 1 093 695 покойников»¹⁷.

В примечании к публикации процитированного документа уточнено, что листы с цифровыми показателями за 1942–1943 гг. были изъяты с пометкой «в 1-й отдел» УПКО, но – констатируется – документы этого отдела за годы войны в Центральный государственный архив Санкт-Петербурга не поступали, «поэтому установить исходные цифры отчетности треста не представляется возможным»¹⁸.

Но все же укажу еще на две причины, которые связаны с местоположением парка имени 1 Мая (достаточно отдаленного от ближайшего официального места массовых захоронений в период блокады), вырытой в июле 1941 г. щели-убежища в самом парке и – в то время – судоходной Екатерингофкой с ее быстрым течением и Обводным каналом.

В. Г. Григорьев, живший в годы блокады напротив парка имени Ленина, в своих воспоминаниях пишет: «У кого были силы, несли труп в парк и клали в одну из щелей-траншей, которые мы летом [1941 г.] готовили для укрытия населения, а теперь они пригодились для захоронения. Была надежда, что потом людей перезахоронят...». По мнению автора, этого не произошло¹⁹.

С. В. Яров приводит факт, что временные захоронения были в Александровском саду²⁰.

Одна из участниц «трудовой повинности по очистке дворов» весны 1942 г. рассказывала (уже в эвакуации), что «трупы весной свозились в детских колясочках и спускались в реки и каналы»²¹.

Я обратился к архивным документам.

В ЦГА СПб, в деле спецчасти исполкома Ленгорсовета «Именные списки на граждан Ленинского района, погибших от артобстрела, бомбежки и голода за период блокады»²², на обеих сторонах двухсот четырех листов – 17 989 фамилий, почти все – с именами и отчествами и указанием года рождения. Но отсутствует графа «место проживания» или «прописки».

¹⁶ См., например: *Соболев Г.Л.* Блокада Ленинграда. С. 76–77, 89–90; *Фролов М.И.* К вопросу о числе погибших в блокаду (по материалам домовых книг) // Жизнь и смерть в осажденном Ленинграде. Историко-медицинский аспект: Материалы междунар. науч. конф., 26–27 апреля 2001 г. / Архивное управление С.-Петербурга и Ленинградской области. СПб.: Изд-во «Петрополис», 2001. С. 87; *Яров С.В.* Жизнь и быт блокадного Ленинграда. М, 2013, С. 166–167; 2) Ленинградская семья в 1941–1942 гг.: ритуал похорон // Жизнь и быт блокированного Ленинграда: Сб. научн. статей / отв. ред. Б.П. Белозеров. СПб., 2010. С. 187–197.

¹⁷ Ленинград в осаде: Сб. документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941–1944. СПб., 1995. С. 339.

¹⁸ Там же. С. 593.

¹⁹ *Григорьев В.Г.* 270 дней и ночей. Ленинград. Блокада. 1941–1942 гг.: Воспоминания, размышления и кое-что из истории. 2-е изд. СПб.: [Б. и.], 2013. С. 109–110.

²⁰ *Яров С.В.* Жизнь и быт блокадного Ленинграда. С. 170.

²¹ Цит. по: *Каргин Д.И.* Великое и трагическое. Ленинград. 1941–1942. СПб., 2000. С. 131–132.

²² ЦГА СПб. Ф. 4900. Оп. 2. Д. 5.

В архивной описи домовых книг самая поздняя (например, по Лифляндской улице) датируется 1931 г.

На сегодняшний день основным *опубликованным* источником сведений является 35-томное издание «Блокада, 1941–1944, Ленинград: Книга памяти» (далее – «Книга памяти»). В ней приведены данные более чем на 630 тысяч человек. Место их проживания указано на момент смерти.

Но даже это издание не дает возможности получить обобщенные данные, сколько всего жильцов данной улицы или такого-то дома скончалось. Я просмотрел все 35 томов²³.

Во-первых, местом проживания ряда умерших указан только административный район города (что указывалось на лицевой стороне выдававшихся свидетельств о смерти), а самые ранние по времени даты смерти относятся к октябрю (а не сентябрю) 1941 г.

Второе. В конце первого тома «Книги памяти» помещен текст «От редакционной коллегии». В нем указывается, в частности, что сведения, достоверность которых сомнительна, обозначены вопросительным знаком в скобках; разрозненные и обрывочные сведения о месте проживания заключены в угловые скобки.

К сожалению, это исполнено применительно не ко всем лицам, показанным в томах «Книги». Для примера, только по одной Лифляндской улице в четырнадцати случаях указаны номера домов, которые на данной улице ни до войны, ни после войны не существовали²⁴. По нескольким номерам домов возможны опечатки²⁵.

Указать, сколько человек, проживавших на улице Калинина, умерло в годы блокады, объективной возможности также нет. В «Книге памяти» показано 524 человека. Но! До декабря 1956 г. в Ленинграде существовали две улицы Калинина: одна – от Ушаковской улицы до Таракановки, вторая – от Большого проспекта Петроградской стороны до Сытнинской улицы. В издании не приводятся уточнения, к какому району относился тот или иной дом.

Некоторые номера домов обеих улиц Калинина накануне войны совпадали.

Тем не менее, допустимо следующее вычисление. Зная, что конечными номерами домов по улице Калинина в Петроградском районе были (до 1956 г.) пятиэтажный № 20 и четырехэтажный № 17, указанные в «Книге памяти» номера строений с № 19 по 59 и № 24 по 58 можно отнести к улице Калинина в бывшей Волынкиной деревне. И не только по «номерному» признаку. Место проживания умершей 13-летней Нины Михайловой обозначено так: «ул. Калинина, д. 40б, барак 18, комн. 41б».

В «Книге памяти» по этому дому показаны 87 человек. Последняя зафиксированная дата смерти жильцов – октябрь 1942 г. Либо корпуса дома сгорели, либо – наиболее вероятно – их разобрали на дрова летом-осенью 1942 г. Оставшиеся жители переселись в центральные и северные районы города. И не исключено, что кто-то на улицу Калинина Петроградской стороны.

На протяжении работы над книгой постоянно всплывал вопрос: можно ли было принять еще меры, чтобы снизить смертность в блокадном городе? Да, можно было – и об этом в книге приводятся факты. Так почему же не принимали?

В этой связи приведу мнение доктора исторических наук, профессора В.А. Иванова. Почти двадцать лет назад была издана его монография, основой которой явился громадный массив ранее недоступных гражданским лицам архивных документов²⁶. К этому исследованию

---

²³ Блокада, 1941–1944, Ленинград: Книга памяти / Правительство Санкт-Петербурга. Т. 1: А (Ааб-Андреанов) / [редкол.: В.Н. Щербаков (предс.) и др.]. СПб., 1998. С. 716.

²⁴ См., например: Блокада, 1941–1944, Ленинград: Книга памяти. Т. 1. С. 173; Т. 7. С. 330; Т. 8. С. 312; Т. 12. С. 180; Т. 17. С. 422, 429; Т. 18. С. 267; Т. 19. С. 293; Т. 33. С. 601; Т. 35. С. 391.

²⁵ Там же. Т. 2. С. 134; Т. 8. С. 331.

²⁶ Иванов В.А. Миссия Ордена. Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20-40-х гг. (на материалах Северо-Запада РСФСР). СПб., 1997.

я буду неоднократно обращаться в своей книге. Здесь же – об ином. Выводы и обобщения автора вплотную подводят к ответу на «вечный вопрос» отечественных историков: *почему* это произошло? *Как* стало это возможным?

По мнению В.А. Иванова, «для ленинградцев и жителей региона война стала очередной драмой в их и без того полной лишений жизни. Спровоцированная политикой недалеководных властей, она аккумулировала в себе всю свирепую практику аппаратного принуждения россиян. <...> Неслыханный голод и гигантская смертность среди ленинградцев выступали, видимо, разменной монетой в идеологической аргументации самой сущности фашизма сталинским режимом: чем больше умрет ленинградцев, тем преступнее будет выглядеть германский фашизм в глазах советского общества и народов Запада»²⁷.

В книге – в связи с рассмотрением вопросов по избранной теме – приведены примеры *слов* и *дел* руководителей Ленинграда, партийных и советских. И читатель, знакомясь с теми или иными фактами, не один раз, верно, задаст вопрос: а они что, настолько были оторваны от реальности? Откуда эти тщеславие, самоуверенность, цинизм, непрофессионализм (а то и просто чиновничья дурь) и т. д.? С каких смольнинских или мариинских потолков они брали те или иные цифры, «итога по плану»?

Известно, что по жизни они были людьми в своем кругу общительными, любящими и заботливыми мужьями и воспитателями своих детей, увлекавшимися (в свободное время) чтением классической литературы и отдыхом на природе, народной музыкой, а одного из них даже называли «вторым Луначарским»²⁸...

Те, кто уже написал или пишут о руководстве (людях и их делах) Ленинграда блокадной поры, часто не акцентируют внимание на том, что все они были люди тоталитарного государства, *системы* и, соответственно, носителями тоталитарного сознания²⁹.

Какие последствия это имело, было, что называется, «разложено по полочкам» (для широкого читателя) почти двадцать лет назад³⁰.

Напомню, внося краткие уточнения.

Сущность тоталитарных систем – культ власти, мистификация всех властных функций. Без вмешательства, руководства и контроля власти ничто в мире не происходит. Овощи и зелень на блокадных ленинградских огородах, в конечном счете, не выросли бы, если бы не (цитата) «заслуга в этом политорганизаторов, они организовывали массы и сплачивали их»³¹.

«В условиях тоталитарного режима власть оказывается сверхценностью – ценностью абсолютного, высшего порядка. Кто имеет власть – имеет все <...> Все, чего может достичь человек, он достигает, получая это от власти и в виде власти. <...>

Заботы власти о собственном могуществе <...> превышают пределы разумного. <...> Носителей власти волнуют не столько результаты их деятельности, сколько доказательство ее вездесущности <...> существование же чего-то неконтролируемого или контролируемого лишь отчасти является само по себе оскорблением власти»³². Начали в июле 1941 г. при домохозяйствах организовываться «группы самозащиты» – и появились приставленные райкомами к этим группам и домохозяйствам «политорганизаторы», комиссары, заместители по комсомолу и др. Находившиеся на руководящих партийно-советских должностях не понимали, что

²⁷ Там же. С. 241.

²⁸ Сидоровский Л. Кузнецов. Пламенный большевик – глазами родных, близких, соратников, строками документов // Смена. 1988. 13 янв.

²⁹ Либо авторы вообще обходят этот аспект стороной, и в результате получается очередная вариация на тему «Ильич на новогодней елке» или «Киров с детьми».

³⁰ См.: Гозман Л., Эткнд А. От культа власти к власти людей: Психология политического сознания // Нева. 1989. С. 156–179.

³¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 341. Л. 7 об.

³² Гозман Л., Эткнд А. От культа власти к власти людей. С. 157.

достижение абсолютного контроля недостижимо, и расходы органов власти на тотальный контроль с удручающей неизменностью превышали потенциальные выгоды от такого контроля.

Власть для партийно-советской номенклатуры была жизнью, и отстранение от власти было равносильно смерти. Любое перемещение вниз по служебной лестнице означало падение жизненного уровня и самоуважения.

Но представители номенклатуры не были властолюбцами. Они сочетали отсутствие собственного стремления к власти со страстной любовью к ней. Так их подбирали и так их воспитывали. И, сформированные властью, они требовали от властной элиты соответствия тоталитарному канону.

Но и сами – подражали. Или старались быть похожими. Районная власть – на городскую («руководимую нашим любимым тов. ЖДАНОВЫМ» – это цитата из 1942 г.). Городская – на кремлевскую. И все вместе – на хозяина Кремля.

И одновременно боготворили. И, как Жданов, испытывали «патологический страх перед Сталиным»³³.

Уже подчеркивалось, что партийно-советские функционеры были носителями тоталитарного сознания. А оно, в своей сути, с реальностью не связано вовсе. Это первое (и основополагающее). Поэтому, когда читатель встретится с примерами, как, скажем, в декабре 1941 г. городской исполком принял решения об увеличении в городе пунктов индивидуального пошива одежды или об установлении новых розничных цен на девять сортов сыра, поражаться этому не следует.

Будучи оторванным от реальности, тоталитарное сознание внутри себя не несет возможности к изменению. Однако возникновение элементов реальности возможно – в условиях войны. Только не любой. «Период войны с белофиннами показал, что можно жить рядом с фронтом и не ощущать войны. Именно такое благодушное настроение царило у нашего народа. Пришлось поставить соответствующие доклады, проводить беседы и рассказывать о примерах зверского отношения фашистов к народам оккупированных [ими] стран. . .», – вспоминал один из районных полторганизаторов в июле 1942 г.³⁴ И не на завершающем, победоносном этапе войны.

«Центральной характеристикой тоталитарного сознания представляется вера в простоту мира». И модель его одномерна или двухмерна, не более. «Из всех возможных решений тоталитарная власть с завидным постоянством выбирает наихудшие. <...> Критерием выбора, наряду со стремлением еще раз подтвердить величие власти, была ориентация на простой вариант, не превышающий по степени сложности сложность картины мира тех, кто принимает решения. <...> Иллюзия простоты создает и иллюзию всемогущества – любая проблема может быть решена, достаточно лишь отдать верные приказы»³⁵.

А если партийный или советский руководитель (кроме «вождя», разумеется) ошибся?

«Партия поправит».

Немецкий философ Э. Блох, исследуя одну из сторон утопического мышления, подробно остановился на сущности *воинствующего оптимизма*³⁶. Для него, считал автор, «не существует иного места, кроме того, которое отрывает *категория „фронт“*» (курсив Э. Блоха)³⁷. В практике носителей утопического мышления воинствующий оптимизм предстает как состояние. От победы к победе на вечном трудовом «фронте», не иначе. («Догоним и перегоним!») – оттуда

---

³³ Демидов В., Кутузов В. Последний удар // «Ленинградское дело» / сост. В.И. Демидов, В.А. Кутузов. Л., 1990. С. 49.

³⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 341. Л. 15 об.

³⁵ Гозман Л., Этканд А. Указ. соч. С. 160–161.

³⁶ Блох Э. Принцип надежды // Утопия и утопическое мышление: Антология зарубежной литературы. М.: Прогресс, 1991. С. 5155. При этом автор соглашается с мыслью К. Маркса, что с помощью воинствующего оптимизма нельзя осуществить абстрактные идеалы (С. 53).

³⁷ Там же. С. 54.

же.) В мирное время решения принимали, их выполняли, результат был, формы и методы опробованы – не может не сработать и в военное время. Даже самый тяжелый период блокады – вторая половина декабря 1941 г. – первая декада января 1942 г. – не выветрился из голов партийно-советского руководства *подобного оптимизма*.

Третье. Непозволительно пребывать в иллюзии, что ленинградские руководители (разных рангов) не знали о голоде, высочайшем уровне смертности, фактах людоедства в блокадном городе. Опубликованные спецсводки органов НКВД подтверждают: знали. Здесь дело в ином. Абсолютная власть, пребывая в непоколебимой уверенности в своем всемогуществе, по логике, принимает и абсолютную ответственность. Партия, взяв на себя роль «вдохновителя и организатора» всего и вся, по идее, должна нести и ответственность за провалы – на хозяйственном ли фронте, или на военном. Так как жесточайший голод и катастрофическая смертность не могут быть следствием непрофессионализма, бездарности, тупости власти, надо считать, что таковых явлений в Ленинграде нет или не было. В противном случае ответственность может лечь и на партию. «Поменьше страданий», – указывал Жданов кинорежиссерам на просмотре отснятых материалов к готовящемуся фильму «Ленинград в борьбе».

«... Чем более замкнут мир тоталитарного режима, тем дольше можно морочить людям голову. Главное – лишить их возможности проверить то, что говорит им вождь, – соотнести это с реальностью. Там, где есть тайна, возможно чудо. Делая тайну из всего, власть делает чудо возможным всюду»³⁸. Примеры «планирования чудес» приведены и в предлагаемой книге. Как суммировал свою работу за первый военный год заведующий отделом пропаганды и агитации одного из ленинградских райкомов: «Мы работали и делали много, но с каждым днем [от нас] требовали все больше и больше. Но таково ведь правило большевиков: сделал, отметь и иди дальше, неустанно развивая темпы»³⁹. Первичные организации «отмечали» в райкоме. Райкомы «отмечали» в горкоме. И так далее. И завышенные цифры проваленных старых планов становились еще более завышенными в новых.

Как известно, в тоталитарных системах уровень обратных связей прямо пропорционален уровню компетентности. В принятии решений, например. Но низкий уровень компетентности (или ее отсутствие) партийно-советских функционеров, в принципе, не волновало. Инструктор райкома, за плечами которого был диплом техникума зеленого строительства, приходил, без сопровождения профессионалов-военных, на «объекты» проверять «состояние боеготовности» всех подразделений МПВО. По итогам «осмотра» составлялся отчет, становившийся основой решений-постановлений. Как выяснилось, достаточно было решений, которые принимались вне всякой связи с реальностью, в спешке или «когда спохватились». Почему? Ответа в документах 1941–1945 гг. не найти. Тоталитарная власть никогда не нуждалась в обсуждении своих действий.

С другой стороны, наличие профессиональных знаний, компетентности для целого ряда должностных лиц в партийном аппарате и не требовались. Этот парадокс можно объяснить тем, что для утвержденных в должностях – от инструктора райкома до секретаря обкома – стержнем, содержанием, сущностью и смыслом их деятельности, именованной «партийное руководство», было – «руководить массами». Должность обязывала. Сегодня он мог быть инспектором Наркомата просвещения отдаленной автономной республики, завтра – заниматься пищевой промышленностью и общественным питанием Ленинграда (как П.Г. Лазутин). Василий Гроссман на страницах своего романа «Жизнь и судьба» вывел подобный тип партийных функционеров: они могли – по очереди или параллельно – заниматься всем: фабриками, детскими садами, кормами, вагонами...

---

³⁸ Гозман Л., Эткинд А. Указ. соч. С. 167.

³⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 341. Л. 7 об.

Пытаясь понять логику или мотивацию действий верхнего эшелона городской власти в годы блокады, надо, наконец, иметь в виду и следующее.

Они были «под колпаком». Давно и основательно.

В.А. Иванов пишет, что еще в начале 1930-х гг. между органами госбезопасности и ВКП(б), особенно на региональном уровне, «обозначились откровенные расхождения в оценках характера и методов реализации партийных директив. Тогда многие сотрудники Ленинградского ОГПУ первыми пытались в спецсообщениях, докладных записках и донесениях восстановить реалистичную картину происходящего в регионе, вопреки лицемерной и насквозь лживой холуйской информации местных партийных и советских структур.

Один из главных организаторов террора на Северо-Западе – Киров пытался снять эти расхождения <...> но в новых условиях, когда задумывался погром нахрапистой и агрессивной местной номенклатуры, партийно-советской и хозяйственной бюрократии, выросшей за последние 5–7 лет» *принцип партнерства* органов госбезопасности и ВКП(б) не годился. «Впереди предстояла невиданная ранее схватка за выживание»⁴⁰. К началу 1937 г. руководство Ленинградского УНКВД уже не считало себя обязанным в полном объеме информировать Смольный о своих планах и намерениях. «Поэтому за сравнительно короткий срок в УГБ НКВД были собраны первичные компрометирующие материалы» на А.А. Кузнецова, П.С. Попкова, Я.Ф. Капустина и ряд других. Данные, собираемые сотрудниками Управления, в Москву не направлялись, ни Жданов, ни сами фигуранты о «материалах» не информировались. «Истребительный психоз нагнетала не только правящая ленинградская номенклатура, но и местные карьеристы в советских учреждениях и партийные функционеры рангом ниже, желающие „порешать“ свои личные проблемы. Активизировались обиженные и не замеченные ранее, малоквалифицированные, но амбициозные личности»⁴¹.

И еще. В книге часто упоминаются партийно-советские руководители города и двух районов. Многие из них были одноклассниками, и почти все – ровесниками (1905–1907 г. р.). Пришли они на должности своего уровня в основном в 1938–1939 гг. Годы, о которых пишет в своих воспоминаниях Н.С. Хрущев, направленный в 1938 г. на Украину возглавить республиканскую парторганизацию: «Начали мы знакомиться с делом. По Украине будто Мамай прошел. Не было <...> ни секретарей обкомов партии в республике, ни председателей облисполкомов. Даже секретаря Киевского горкома не имелось»⁴². Таков был один из итогов очередной «чистки» в эпоху «большого террора».

«Благодарность» же за свой труд это поколение получит лет через пятнадцать.

15 августа 1952 г. арестованы, а затем осуждены к длительным срокам тюремного заключения одновременно более 50 человек, работавших в годы блокады Ленинграда секретарями райкомов ВКП(б) и районных исполкомов⁴³.

* * *

Главы книги составлены по тематическому признаку.

При изучении одного архивного дела я обнаружил, что еще в октябре 1943 г. была попытка вернуть топоним «Екатерингофский» на карту города. Этому посвящена предпоследняя глава.

В качестве заключения – небольшая 14-я глава.

---

⁴⁰ Иванов В.А. Миссия Ордена. С. 130.

⁴¹ Там же. С. 119, 132.

⁴² Хрущев Н.С. Воспоминания и фрагменты. М., 1997. С. 35.

⁴³ См.: Садовин В.В. Испытал на себе // «Ленинградское дело». С. 264.

Примечания к публикуемым первоисточникам и источникам мои, за исключением оговоренных.

Топонимы (как и адреса) приведены на период 3 августа 1940 г. – 12 января 1944 г. (если только топоним не цитируется по первоисточнику), названия предприятий и учреждений – на период 1941–1944 гг.

* * *

Как автор, приношу прежде всего благодарность жителям блокадного Ленинграда (которых я уже назвал) – Г.П. Гольцовой, Т.И. Давыдовой, Ю.Е. Давыдову, З.П. Кузнецовой, Н.М. Лавровой.

Благодарю жителя блокадного Ленинграда, старшего хранителя Филиала Центрального архива Министерства обороны (военно-медицинских документов, г. Санкт-Петербург) Тамару Алексеевну Марищенко за помощь в ознакомлении с материалами архива.

Мои слова благодарности Антонине Владимировне Рохлиной, с июля 1941 г. по конец марта 1945 г. служившей в Действующей армии, госпитале и войсках

МПВО блокадного Ленинграда. Последние несколько лет А.И. Рохлина является секретарем Совета ветеранов 2-й дивизии народного ополчения – 85-й стрелковой дивизии. И Раисе Сергеевне Филиппенко (Фадеевой), воевавшей в составе указанной дивизии. Воспоминания Раисы Сергеевны записаны мной в 2015 году и приводятся в главе «Медсанбаты».

Приношу благодарность за содействие в сборе материалов по отдельным аспектам книги Н.Н. Гольцову, доктору исторических наук профессору В.А. Иванову (СПбГУ), Е.Ю. Макаровой, Л.А. Старковой (Центральная библиотека имени М.А. Шолохова).

Признателен за помощь в подборе части иллюстративного материала к некоторым главам книги В.С. Алехову и В.Г. Белорусову (Филиал Центрального музея внутренних войск МВД, Военный институт МВД Российской Федерации), Л.П. Дивинской, В.В. Ершовой (Экономико-технологический колледж питания), Д.М. Мудрову.

Выражаю признательность А.О. Шуршеву, сотрудникам библиотеки «Музей книги блокадного города» и государственного учреждения «Музей „Нарвская застава“».

Наконец, последнее.

Иной читатель, дочитав книгу до конца, возможно, спросит: а где же всем известные примеры мужества, трудового героизма, стойкости ленинградцев?..

Ответ краткий.

Выжить в аду блокады – вот это – героизм. Всех, кто оказался в нем.

Глава 1

В последние предвоенные недели

Нынешний парк «Екатерингофский» назывался тогда «Парк культуры и отдыха имени 1 Мая». Территория парка включала жилую Молвинскую улицу⁴⁴ длиной в 1200 метров, проезжую часть Лифляндской улицы, делящей парк на две части. На парк выходили улицы Калинина и Сутугина⁴⁵.

Огибая парк, от Екатерингофки до Сутугиной улицы, на 1,3 километра тянулась набережная Бумажного канала, с жилыми 1-2-этажными деревянными и несколькими каменными многоэтажными домами.

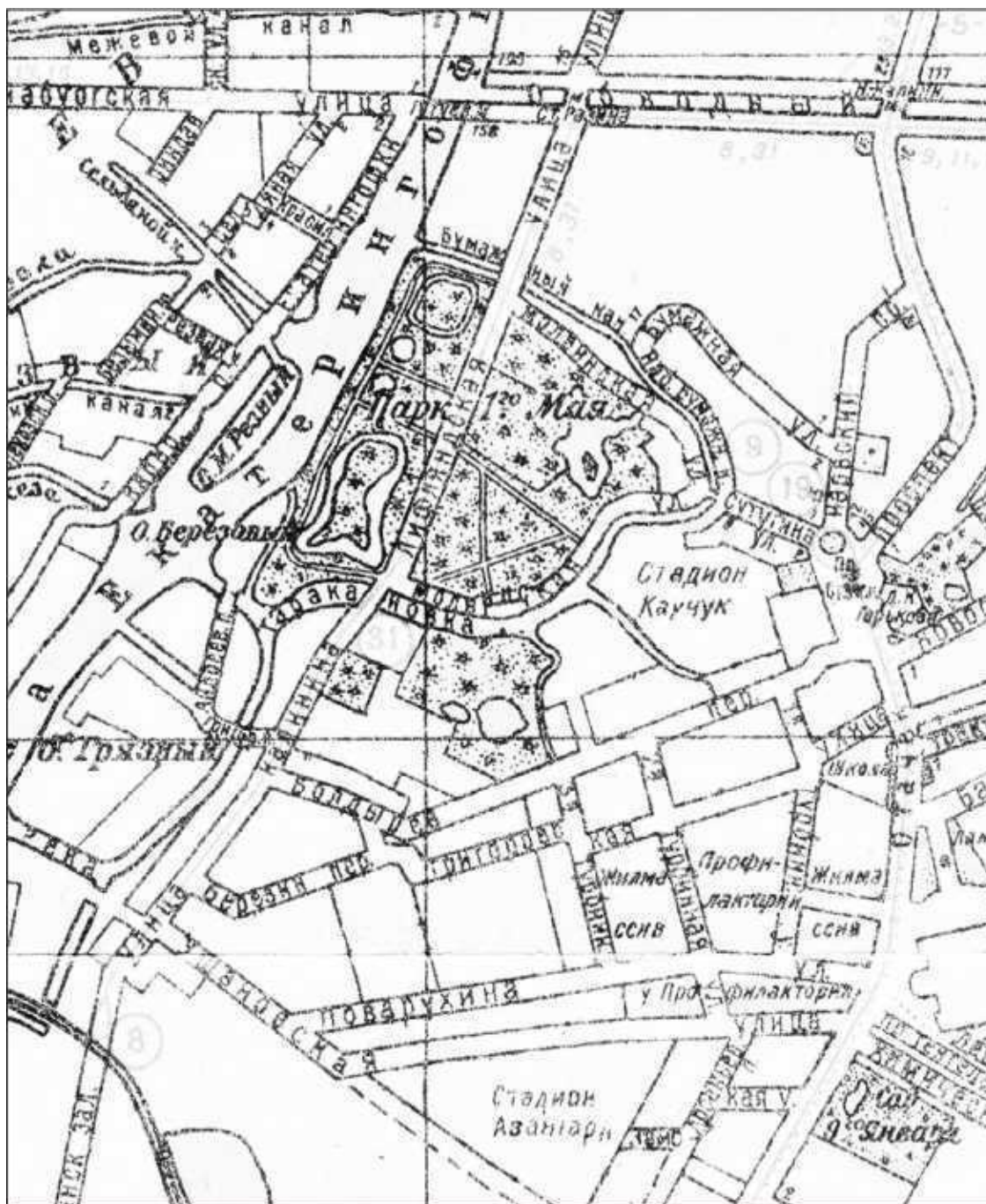
С парком по Бумажному каналу до одноименного моста граничил прядильно-ниточный комбинат «Советская Звезда». С моста виднелся земляной откос Обводного канала и часть строений пивоваренного завода. Далее по каналу более чем на 100 метров – боковой фасад четырехэтажного дома № 6/8 по Лифляндской улице.

На канал выходили конечные номера деревянных домов Бумажной улицы, на повороте улицы к каналу – новое трехэтажное здание школы. В начале улицы торговал колхозный Бумажный рынок с магазином кондитерских изделий, двумя ларями химико-москательных товаров, пунктами скупочным и заготовки утильсырья, чуть далее – баня.

---

⁴⁴ Переименована в Сивашскую, упразднена в 1964 г.

⁴⁵ С декабря 1952 г. – Перекопская.

*Карта Ленинграда 1939 г. Фрагмент.
Парк имени 1 Мая и его окрестности*

Недалеко от входа в парк, на четной стороне Сутугиной улицы, стоял единственный двухэтажный жилой дом⁴⁶. От него еще метрах в ста и начиналась площадь Стачек, в которую завершались проспекты Нарвский и Газа⁴⁷.

Сразу за деревянным Сутугиным мостом, по левому берегу Таракановки, располагались три футбольных поля, теннисные корты, каток и иные сооружения добровольного спортивного

⁴⁶ Разрешение на постройку каменного лицевого двухэтажного флигеля Отделение частновладельческого строительства городской Управы дало 1 мая 1913 г. Вокруг будущего дома располагались погреба, амбары, каменные и деревянные ледники Торгового дома «Виллиам Миллер и К^о» (ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 6003. Л. 126 об.). Дом не сохранился.

⁴⁷ С октября 1991 г. – вновь Старо-Петергофский проспект.

общества «Каучук» заводов, входивших (до августа 1939 г.) в комбинат «Красный Треугольник». С огибной аллеи парка и поныне хорошо видно четырехэтажное здание школы в Промышленном переулке ⁴⁸.

По берегу реки шли жилые и нежилые строения, производственные и вспомогательные корпуса всесоюзной автономной бумагопрядильной фабрики «Равенство», функционировали детский сад № 5, ясли № 24 Кировского района (ул. Калинина, 2) и завод «Красный автоген» № 1.

Соседями парка был целый ряд небольших предприятий по Промышленному переулку: швейно-такелажная фабрика «Красный Водник», завод «Пластмасс» (изготовление пуговиц, бус и домино) и четыре артели, с двумя из которых мы еще встретимся – ткацкой «Ленкооптекстиль» и «Теплохим» (сухие краски и фотореактивы).

У Молвинского моста, на территории парка, находилось трамвайное, диаметром более 30 метров, кольцо маршрута № 8, с остановкой. Трамвайный же маршрут № 31 следовал далее, по улице Калинина.

В юго-западной своей части парк граничил с маленьким Березовым островом. На нем стояло тринадцать жилых и нежилых строений⁴⁹. С острова и из парка просматривалась располагавшаяся на другом берегу

Таракановки железобетонная водонапорная башня лесопильного завода «Пионер».

Напротив западной части парка, по набережной Екатерингофки, на Гутуевском и Большом Резвом островах, функционировали фабрики ткацкая «Резвоостровская» и суконная «Ленсукно», заводы костеобрабатывающий «Клейкость» и лакокрасочный «Красный маляр».

На Малом Резвом острове⁵⁰ стояли два двухэтажных каменных здания. Одно – бывших заводов (алебастрового, асфальтового, камне- и деревообрабатывающих), второе – дом «с башнями». А также бывшие службы с жилыми покоем и сараи ⁵¹.

Парк имени 1 Мая располагался на территории Ленинского района и находился в ведении районного совета депутатов трудящихся. Граница с соседним Кировским районом проходила по Таракановке, Сутугиной улице, площади Стачек и проспекту Газа.

Сегодня парк «Екатерингофский» занимает более 36 га. На 1941 год площадь всех садов (зеленых насаждений) «общественно-открытого пользования» Ленинского района составляла только 21,8 га⁵². И парк правомерно назывался в то время единственным в районе «островом природы» и «местом культурного отдыха».

Рядом с парком находились четыре средние школы, семь детских садов и шесть яслей.

* * *

В течение недели перед праздником 1 мая 1941 г. Дом культуры ВЦСПС имени Горького запланировал вечера близлежащих предприятий, в том числе фабрик

«Равенство» и «Резвоостровской», а на 1 и 2 мая – «балы-карнавалы». «Они будут продолжаться всю ночь»⁵³.

---

⁴⁸ Ставшим с июля 1950 г. улицей.

⁴⁹ Подсчитано по: ЦГА СПб. Ф. 4900. Оп. 2. Д. 3. Л. 9.

⁵⁰ По обмеру 1871 г., его длина составляла (в переводе с саженей) – 180 м, ширина – 30 м (ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 5993. Л. 9). Размеры острова не были неизменными: владельцы периодически засыпали вокруг него отмели.

⁵¹ ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 1685 «Б». Л. 37, 39, 41–43.

⁵² ЦГА СПб. Ф. 4900. Д. 53. Л. 16.

⁵³ Первомайские вечера // Ленинградская правда. 1941. 19 апр.

Дню открытия летнего сезона в парке культуры и отдыха имени 1 Мая субботний выпуск «Ленинградской правды» посвятил объемную заметку. Помимо объявления «больших народных гуляний» 10–11 мая, в ней сообщалось следующее:

«Трудящиеся Кировского и Ленинского районов встретятся с лауреатами Сталинской премии – деятелями науки и искусства.

В одном из павильонов устраивается весенний бал. В шахматном клубе гроссмейстер СССР Г. Левенфиш⁵⁴ выступит с докладом об итогах шахматного матч-турнира и проведет сеанс одновременной игры. В физкультурном городке организуются выступления борцов и фехтовальщиков. В парке открывается выставка „Наша родина в 1941 году“. В течение лета предстоит ряд больших гуляний, посвященных Военно-Морскому Флоту, авиации, физкультуре, специальное гуляние для учащихся ремесленных училищ и школ ФЗО и т. д.

Проводится работа по дальнейшему благоустройству парка. Закончена очистка пруда, на котором открывается гребная станция. В парке будет вновь посажено 10 тысяч кустов и 800 деревьев и высажено 200 тысяч цветов»⁵⁵.

Согласно сводному плану капиталовложений на 1941 г. по Ленинскому району⁵⁶, на озеленение парка 1-го Мая планировалось выделить из районных бюджетных средств 197 тыс. руб. – меньше, чем в предыдущем году, ибо не все выделенные 238 тыс. руб. оказались освоенными.

План 1940 г. по текущему ремонту был выполнен парком только на 85 %, поэтому сумма вложений на 1941-й была снижена до 65 тыс. руб. Это на треть меньше, чем на все пять общественных туалетов «районного значения», один из которых находился на Сутугиной улице.

На 1941 г. появилась новая статья расходов – «очистка прудов за счет сточных вод», по ней выделялось 110 тыс. руб. На очистку трамвайных путей в парке имени 1 Мая – 5 тыс. руб.

Основные показатели по парку культуры и отдыха имени 1 Мая за 1940 год были таковы: из запланированных 135 дней работы парк функционировал 152. Из установленных планом 1210,3 (до десятых процента!) посещений фактически получилось 992,2. Доходы парка составили 1080,8 тыс. руб., расходы – 994,2.

Планы на 1941 г. по количеству посещений, доходам и расходам парка райисполкомом были снижены. Общая численность работников парка имени 1 Мая на год определялась в 206 человек, с общим фондом заработной платы 220,8 тыс. руб.⁵⁷

Восьмой год пошел, как директором парка имени 1 Мая был И.П. Симановский. Вместе с ним трудился его «управленческий аппарат»: заместитель, заведующие массовым и хозяйственным отделами, бухгалтер, управляющие делами и «Детской базой», всего 11 человек.

Биография Ильи Павловича Симановского была, на фоне биографий советских руководителей районного уровня, в целом типичной.

Родился в 1903 г. в Бобруйске, из мещан. Работал курьером в жлобинской столовой, потом грузчиком дров. В его «Личном листке по учету кадров» отсутствуют сведения об учебе в каком-либо начальном или среднем учебном заведении. Несколько месяцев проучился (скорее – числился) в Ленинградском техникуме точной механики (более, видно, не осилил). Затем – два курса заочного «комвуза им. т. Сталина»⁵⁸. Все остальные свои «университеты» Илья Павлович суммировал в емком слове – «самообразование». Член ВКП(б) с 1929 г. За границей не был. В 1933 г. скрыл от товарищей по партии социальное положение отца («содержал заез-

---

⁵⁴ Григорий Яковлевич Левенфиш (1889–1961) – чемпион Санкт-Петербурга (1910 г.), чемпион СССР (1937 г.), гроссмейстер СССР (1937 г.). Проживал в Ленинграде.

⁵⁵ Открытие районных парков // Ленинградская правда. 1941. 10 мая.

⁵⁶ ЦГА СПб. Ф. 4900. Оп. 1. Д. 53. Л. 6–7, 9–9 об.

⁵⁷ Там же. 8, 16, Л. 19–19 об.

⁵⁸ Заочный комвуз Всесоюзного коммунистического сельскохозяйственного университета имени И.В. Сталина. Ликвидирован в 1937 г.

жий дом»), за что получил от райкома выговор (снятый через три года). На должность директора парка имени 1 Мая пришел, будучи заведующим райжилотделом Нарвского райсовета. Жена была директором школы № 1 на проспекте Газа⁵⁹.

Вообще, работа директора парка имени 1 Мая в последние предвоенные недели была не такой уж и спокойной. В декабре предыдущего года при ликвидации Дома просвещения имени Тимирязева принял он на баланс его имущество⁶⁰. Потом пришлось «вверху» доказывать, что это имущество никогда не принадлежало парку и отдано оно будет пионерскому лагерю.

Или вот, 31 мая 1941 г. «Ленинградская правда» опубликовала заметку ««Гибнут столетние липы». Вызвали в райисполком (хорошо, что им и ограничилось, а не дошло до райкома партии). Вынесли отдельным вопросом на заседание. Отметили, что факты, изложенные в газете, «являются правильными». И.П. Симановскому, лично, было указано в двухнедельный срок произвести очистку территории «бесплатной части» парка. Более того, вывезти с территории парка «весь строительный мусор и материалы (булыжник, щебенка) и убрать булыжник и др. материалы около деревьев, находящихся на территории склада» в парке⁶¹.

На само лето 1941 г. забот у директора парка «заметно приумножилось».

Получил он выписку из решения райисполкома от 30 мая, пункт десятый: «Обслуживание детей остающихся летом в городе по домохозяйствам района возложить на Парк культуры и отдыха им. 1 Мая». Предстояло заключить типовые договора с каждым домохозяйством, согласно которым «обслуживание» будет проводиться – и это правильно – за счет *их* средств, «предусмотренных хоз-финпланом на культурно-массовую работу». Прилагались утвержденный план мероприятий и смета расходов.

Этим же решением предлагалось заведующему роно открыть в парке с 1 июля по 1 сентября филиал детской библиотеки, до 5 июня – оборудовать «дошкольную стационарную площадку» и «сосредоточить в парке работу районного школьного Спортклуба»⁶².

Забегая вперед, скажем, что 11 августа 1941 г. И.П. Симановский назначен председателем районной эвакуационной комиссии, а 2 октября, с оставлением в должности директора парка, – ответственным по району за организацию приемки лыж от населения, предприятий и общественных организаций для Действующей армии⁶³.

12 мая 1941 г. исполком Ленинградского городского совета (далее по тексту – Исполком) принял решение «Об охране зеленых насаждений и о правилах содержания и пользования садами (скверами) и парками»⁶⁴.

Сады и парки «общественного пользования» отныне должны были быть открыты в летнее время ежедневно с 8 до 24 часов. В жаркое время года главные аллеи, дорожки и площадки – поливаться не менее двух раз в день. Владельцы тентов, киосков, ларьков, «тележек и выкидных столиков» были обязаны производить уборку площади вокруг своих «торговых сооружений» на расстоянии десяти метров.

Так как документ касался *охраны и правил*, то большая его часть посвящена тому, что нельзя делать посетителям и каковы их обязанности.

Нельзя ходить по газонам и лежать на них (но только в местах, «где имеются об этом специальные надписи»). Запрещалось «сбивать плоды, срывать листья и цветы», подвешивать к деревьям гамаки, качели и веревки для сушки белья, выпускать в сады и парки домашних

⁵⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 277621. Л. 2–5.

⁶⁰ ЦГА СПб. Ф. 4900. Оп. 1. Д. 53. Л. 72.

⁶¹ Там же. Д. 54. Л. 9.

⁶² Там же. Л. 10.

⁶³ Там же. Д. 55. Л. 46.

⁶⁴ См.: Бюллетень Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся. 1941. № 21–22. 31 мая. С. 16–18.

животных и птиц, разводить костры, ловить и стрелять птиц, сваливать грязный снег и сколки льда и многое другое.

Посетители также обязаны были «не перелезать через устроенные ограждения и заборы».

Ряд положений «Об охране...» напрямую касался парка имени 1 Мая – по его территории проходила жилая Молвинская улица.

Гражданам, проживающим на территориях садов и парков, воспрещалось: содержать домашних животных и птиц, копать огороды без разрешения администрации парков, развешивать в них белье и одежду, загромождать территорию вокруг парковых зданий и сооружений «дровами и всякого рода предметами».

Отныне должностные лица или граждане, оказавшиеся виновными в нарушении установленных правил, могли быть подвергнуты штрафу от 25 до 200 руб. Или наказанию – «исправительным работам до 30 дней», или возмещению «восстановительной стоимости» испорченного или поломанного.

С мая 1941 г. вступали в силу установленные областным исполкомом меры⁶⁵ административного взыскания за появление в парках «и прочих местах общественного пользования» «в нетрезвом состоянии» и устройство азартных, картежных «и других игр». Взысканию подлежали также лица, замеченные «в озорных действиях, нарушающих порядок и нормальных отдых трудящихся».

Для «рассмотрения дел о нарушениях решений» городского исполкома, «в которых предусмотрена ответственность в административном порядке», при районных исполкомах образовывались административные комиссии («комиссии по наложению административных взысканий»). Новое «Положение» о них приняли 24 апреля 1941 г.

В типографии массовым тиражом отпечатали бланки решений этих комиссий. Сведения о привлекаемом к ответственности (включая партийность, судимость и семейное положение), формулировка решения и т. д. вписывались от руки. На оборотной стороне бланка: «Административная Комиссия, выслушав нарушителя и свидетелей, признала нарушение доказанным»; «Настоящее решение обжалованию не подлежит и приводится немедленно в исполнение».

В последней строке решения определялось, куда направлялось принятое решение (ненужное вычеркивалось или нужное подчеркивалось): начальнику отделения милиции или заведующему районным финансовым отделом.

О компетенции и содержании деятельности этих комиссий следует сказать чуть подробнее. Ибо с ними, вновь созданными в самом начале войны, пришлось иметь дело всю блокаду достаточному количеству жителей Ленинграда.

В «Приложении» к новому «Положению» об адмкомиссиях было перечислено 51 решение городского исполкома, нарушения которых подлежали административным взысканиям⁶⁶. Среди них: «Об ответственности за нарушение общественного порядка», «Об охране зеленых насаждений», «О мерах охраны городского водопровода», «О регистрации венерических заболеваний», «Правила перевозки пищевых продуктов», «Санитарные правила по устройству и оборудованию пивных лавок», «Об обязательной очистке дымоходов и регистрации трубочистов», «О порядке пользования и содержания лестниц в жилых домах», «О мероприятиях по борьбе с бешенством собак»⁶⁷.

В перечень также входили правила пользования трамваем, троллейбусом и автобусом и решения об устройстве и содержании купален, катков, лодочных станций и стрелковых тиров и о правилах для их посетителей.

---

⁶⁵ См.: Бюллетень Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся. 1941. 30 апр. № 11–12.

⁶⁶ ЦГА СПб. Ф. 7384. ОП. 18. Д. 1391. Л. 70–77.

⁶⁷ ЦГА СПб. Ф. 7384. ОП. 18. Д. 1391. Л. 74–76.

В связи с тематикой книги отдельно выделим два решения Исполкома 1939–1941 гг.: «Об усилении противопожарных мероприятий в жилых домах, общежитиях, учреждениях, учебных заведениях и предприятиях» и «Правила поведения населения и обязанности администрации во время воздушного нападения противника». Срок действия первого решения истек 1 июля, второго – 18 сентября 1941 г.

С января 1941 г. решением Исполкома «Об изменении порядка утверждения проектов и о контроле за установкой и сооружением некоторых малых архитектурных форм»⁶⁸ райисполкомам поручалось «утверждение проектов нижеследующих сооружений, а также контроль за установкой их в натуре»: «лотков и тележек для летней сезонной торговли» и «газонных ограждений и урн».

На 1941 г. в Ленинском районе работали 17 парикмахерских, один «душевой павильон», одна прачечная и четыре бани на 2216 «банных мест». В предыдущем, 1940 г., бани района работали в среднем 300 дней в году, с нагрузкой 13–14 часов в сутки.

Доходы бань от «основной деятельности» превышали расходы. (Среди статей расходов района на 1941 г. – бани, парикмахерские, прачечная, имевшая интригующее название – «Ремонт на сторону»⁶⁹.)

Одна из бань, № 4, находилась на Бумажной улице.

«Шикарная была баня. По два мужских и женских зала, отдельный детский, за тридцать копеек. В каждом зале по четыре душевые кабины, небольшая парилка, раковины, латунные краны, полки и лавки. Мылись на одной человека по четыре.

Баня была единственной на округу. Стояли очереди, пропускали внутрь по мере выхода тех, кто помылся. „Освободились две шайки, идите!“. „Вы с ребенком? Ждите!“» (Т.И. Давыдова).

Посетители бань, наверное, и не догадывались, что «ремонт на сторону» в бане № 4 порой брал вверх над ее «основной деятельностью».

10 мая 1941 г. вопрос о бане № 4 заслушивался на заседании райисполкома. Было отмечено, что «работа бани страдает рядом существенных недостатков»: перерасход по топливу, хранение его «поставлено неудовлетворительно», «двор бани содержится в антисанитарном состоянии», а сама баня недостаточно обеспечена тазами и бельем. Ко всему, «имели место грубые нарушения трудовой дисциплины» среди обслуживающего персонала⁷⁰.

Номенклатура изделий «ширпотреба» по Промкомбинату Ленинского райисполкома в 1941 г. составляла десять наименований: велосипеды, кровельные ножницы, ложки чайные посеребренные, дамские туфли и хлопчатобумажные жакеты, костюмы, плоская и круглая резина, рейтузы и «спецобувь»⁷¹.

Управление предприятиями коммунального обслуживания Исполкома составило перечень «городских проездов, подлежащих механизированной поливке Трестом уличной очистки в летнем сезоне 1941 года»⁷². Предписывалось поливать: лицу Калинина от Молвинского моста до железнодорожной ветки, всю Лифляндскую улицу, Промышленный переулочек, Нарвский проспект, площадь Стачек, а набережную Обводного канала – от Лиговской улицы до набережной Екатерингофки.

---

⁶⁸ См.: Бюллетень Ленинградского городского... 1941. № 4. 25 янв. С. 10.

⁶⁹ ЦГА СПб. Ф. 4900. Оп. 1. Д. 53. Л. 12 об., 16 об., 17, 18 об.

⁷⁰ Там же. Л. 44.

⁷¹ Там же. Л. 18 об.

⁷² Бюллетень Ленинградского городского... 1941. № 23. 7 июня. С. 10–14.

Судя по документам первой половины 1941 г. (да и позднее), жители бывшей Нарвской заставы медленно привыкали к новым названиям бывших переулков и улиц. Промышленный переулок (а не Болдырев), площадь Стачек (а не Нарвская), проспект Стачек.

Впрочем, не только жители Нарвской заставы. Решением Исполкома от 26 декабря 1940 г. в городе появилось целое «созвездие» новых улиц: Крамского, Высоцкого, Плодовая, Пропаганды, Сочинская и Чеченский переулок⁷³. А с 27 февраля 1941 г. исчезли с карты города Бироновская дорога, Инвалидная аллея, Красно-Кабацкое шоссе, Мертвая аллея, Гусарская улица, дорога в Медвежий стан и другие⁷⁴.

Коснулись жителей как самого парка имени 1 Мая, так и его окрестностей нововведения 1941 года.⁷⁵

13 марта 1941 г. Исполком своим решением запретил «содержание крупного и мелкого рогатого скота и свиней» в том числе и на территории Ленинского района и определил условия содержания домашних животных. Утвердил расписание часов разводки мостов – Екатеринбургского и Гутуевского, с приостановкой движения по последнему на два часа с 2 часов 40 минут. Вступили в действие новые правила уличного движения: «Для трамвая, следующего слева от милиционера, разрешается только левый поворот, а со стороны груди милиционера только правый поворот»; «Милиционер регулирует движение изменением положения корпуса и движениями рук» – «При выходе из трамвая посмотреть направо, убедиться в полной безопасности и идти на тротуар прямо, а не наискось».

Немногим ранее Исполком утвердил новые правила пользования в городе трамваем. Вход через переднюю площадку вагона «без права нахождения на ней» разрешался, помимо Героев Социалистического Труда, школьникам до пятого класса по школьным проездным билетам и пассажирам «с малолетними детьми (ростом до 1 метра)». Не допускались к проезду в трамвае пассажиры «с громоздким багажом», «с предметами, издающими зловоние», «с винтовками, если штыки не примкнуты». Пассажирам запрещалось «курить, шуметь, петь, играть на инструментах»⁷⁶.

До 15 мая 1941 г. должна была завершиться обязательная перерегистрация (и регистрация вновь) всех ручных тележек, находящихся в Ленинграде и принадлежащих организациям, учреждениям «и отдельным частным лицам». «Стоимость номерного знака на тележку – 2 рубля».

В период 14–24 апреля 1941 г. введены единый прейскурант на стирку белья («портянки разные» – 30 коп., «толстовки бумажные» – 1 руб.), «Положение об управляющем домом», «Положение о работе дворников», об организации общегородских фотовыставок в 1941 г. и о закупке старых учебников.

В первой половине 1941 г. управляющие домохозяйствами утверждались на заседании райисполкомов, при этом каждому присваивалась категория – от первой до третьей.

На 1941 г. Ленинский райисполком поставил задачу – привести район «в образцовое состояние». И – это прослеживается по ряду документов – особо следил за состоянием фасадов зданий. Даже чересчур «особо».

29 мая 1941 г. вынес, например, такое решение: «За неисполнение решения Ленгорисполкома и Райисполкома о ремонте и окраске фасадов здания по Лифляндской ул. д. № 6/8, надстройка которого произведена ф-кой „Советская Звезда“ еще в 1936 г. и до сих пор не

---

⁷³ Там же. С. 8–10.

⁷⁴ Там же. № 11. 15 марта. С. 4–6.

⁷⁵ Там же. № 17. 28 апр. С. 5–7, 10.

⁷⁶ Там же. № 5. 1 февр. С. 4.

оштукатурена – передать дело прокурору района для привлечения к судебной ответственности, как за разрушение жилфонда архитектора ф-ки т. КОЖЕВНИКОВА»⁷⁷.

Или «дело» передавали «медленно», а тут началась война, или у прокурора возникли, возможно, сомнения по существу вопроса, но Николай Васильевич Кожевников продолжал работать и в годы блокады. Он являлся председателем «чрезвычайной комиссии по выявлению убытков, потерь и разрушений от военных действий» на «Советской звезде».

Занялись Бумажным каналом. Причина крылась в следующем.

Одним из правительственных решений было строительство в Ленинграде Кировской ТЭЦ. По проекту, Бумажному каналу уготовано было «служить трассой водоснабжения» новой электростанции. Старший инженер будущего сооружения осмотрела канал и свои впечатления изложила 12 июня 1941 г. на заседании райисполкома. Участники заседания были поражены: «... состояние Бумажного канала, вследствие накопившейся в нем за многие годы грязи и нечистот, является угрожаемым для здоровья трудящихся, проживающих в прилегающих к каналу домах...». По сему Исполком предложил строителям ТЭЦ в двухнедельный срок «произвести очистку берегов Бумажного канала от строительного мусора, щебня и грязи, оставшихся после сноса строений». И примерно к концу лета 1941 г. приступить к работам по расширению Бумажного канала⁷⁸.

Два миллиона рублей (на миллион больше, чем в 1940 г.) выделял Ленинский райисполком на «ремонт домов памятников старины»⁷⁹. «Важнейших объектов капремонта жилфонда на 1941 г...» было двенадцать. В частности, планировалось восстановление трех квартир в «доме Державина» на Фонтанке; «общестроительные работы» по дому № 27 и проведение центрального отопления в дом № 24 по Нарвскому проспекту. Больше всего средств – 300 тыс. руб. – было предусмотрено на «общестроительные работы – восстановление шести квартир в б. даче Сутугина», по адресу Бумажная улица, 20⁸⁰.

Летом 1941 г. планировала вернуться в Ленинград после пятилетней куйбышевской ссылки Вера Александровна Сутугина. Дочь статского советника А.П. Сутугина (1867/1941), многие годы работавшего в Санкт-Петербургском университете и десять лет преподававшего в 1-й классической гимназии, члена Русских антропологического и географического обществ. О Сутугиных, чьим именем была названа улица и продолжает именоваться мост, я подробно рассказал в предыдущей своей книге, «Екатерингоф», доведя повествование до 1917 г.

Выпускница столичных Высших женских (Бестужевских) курсов и Императорского Археологического института В.А. Сутугина ушла добровольцем на Первую мировую, служила медсестрой в санитарном поезде. С 1918 г. и на протяжении шести лет была секретарем Коллегии экспертов издательства «Всемирная литература», личным секретарем заведующего издательством и некоторое время – М. Горького. У Веры Александровны сложились доверительные отношения с А. Ахматовой, Ф. Сологубом, Н. Тихоновым, К. Чуковским, сохранившиеся на десятилетия. Корней Иванович позднее писал Сутугиной, что все «всемирные литераторы» с глубочайшим почтением относились к ее энциклопедическим знаниям, ее «своеобразную духовную личность» любили и Е. Замятин, и М. Лозинский, и академик С.Ф. Ольденбург⁸¹. Работала в редколлегиях журналов «Восток» и «Современный Запад». В 1931 г. после нескольких месяцев тюремного заключения была – в первый раз – выслана в Ярославскую область. Вернулась Вера Александровна в Ленинград спустя 26 лет.

⁷⁷ ЦГА СПб. Ф. 4900. Оп. 1. Д. 53. Л. 87.

⁷⁸ Там же. Д. 54. Л. 4.

⁷⁹ ЦГА СПб. Ф. 4900. Оп. 1. Д. 53. Л. 8 об.

⁸⁰ Там же. Л. 9.

⁸¹ См.: *Кукушкина Т.А.* Из литературного быта Петрограда начала 1920-х годов (Альбомы В.А. Сутугиной и Р.В. Руры) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1997 год. СПб., 2002. С. 348–349.

В конце апреля 1941 г. Управление наркомата государственной безопасности (НКГБ) по Ленинградской области и городу Ленинграду расследовало факт «рассылки управхозами Ленинского района г. Ленинграда приказа РЖУ⁸² о порядке проведения мобилизации военнообязанных». Итоги расследования вылились в решение № 74 Исполкома («Совершенно секретно») «О нарушении правительственной инструкции по ведению секретных и мобилизационных работ и делопроизводства» от 6 мая 1941 г. Документ, в частности, констатировал, что «в рассылке указанного приказа управхозами, которыми приказ, хотя и не имевший грифа „Секретно“, был воспринят, как факт предстоящей мобилизации и вызвал нежелательные толки вокруг намеченных мобилизационных мероприятий»⁸³.

К 9-10 июня 1941 г. в Ленинграде в целом завершилась подписка на заем 3-й пятилетки (выпуск 4-го года). Среди предприятий, завершивших подписку в три-четыре дня, то есть досрочно (на партийном языке тех лет – «выполнение контрольного задания»), Ленинский райком ВКП(б) назвал пивоваренный завод имени Степана Разина, фабрику дамского и детского платья, завод № 8, комбинат «Советская Звезда»⁸⁴. Вместе с тем отмечалось, что во время проведения подписки «в Типографии им. Е. Соколовой имели место прямые антисоветские выпады⁸⁵ <...>. Отсталые, нездоровые настроения отдельных рабочих, служащих, в том числе даже коммунистов и комсомольцев, проявлялись и на других предприятиях»⁸⁶.

В ряде мест города, в том числе в парке имени 1 Мая, были организованы выставки под названием «Куда идут средства от займов»⁸⁷.

Куда шли многомиллионные денежные средства от займов, сейчас, наверное, знает каждый.

Гораздо менее известным является то, насколько эффективно они использовались. Еще меньше известным – были бы готовы «спецобъекты», начнись война. И почти неизвестными (для широкого читателя) остаются конкретные адреса «спецстроек». В нашем случае – в окрестностях парка и отдыха имени 1 Мая.

* * *

5 марта 1941 г. заместитель председателя исполкома Ленгорсовета Е.С. Лагуткин издал, под грифом «Секретно», распоряжение № 10, в котором указывалось, что приспособление подвальных помещений для укрытия населения «в период ПВО» «производить, руководствуясь нижеследующим»: в 2-3-4-этажных каменных зданиях «перекрытия над подвалом должны быть огнестойкими или полуогнестойкими», «высота помещений, намечаемых под укрытие, от уровня пола до выступающих частей перекрытия должна быть не менее 1,65 м», а «толщина ограждающих укрытие стен» – не менее двух с половиной кирпичей. «Укрытия устраиваются, как правило, вместимостью не свыше 150 человек каждое, по норме 0,7 кв. метр. площади на 1 человека», «каждое укрытие должно иметь не менее двух взаимно-отдаленных входов-выходов, один из которых может быть устроен в виде лаза»⁸⁸.

⁸² Районного жилищного управления.

⁸³ ЦГА СПб. Ф. 3200. Оп. 5. Д. 13. Л. 17.

⁸⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 409. Оп. 2. Д. 57. Л. 7, 8.

⁸⁵ В документе перечисляются фамилии и должности.

⁸⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 409. Оп. 2. Д. 57. Л. 13.

⁸⁷ Там же. Л. 11.

⁸⁸ ЦГА СПб. Ф. 3200. Оп. 5. Д. 13. Л. 8.

22 мая 1941 г. спецчасть исполкома Ленинского райсовета получила копию решения № 01 Исполкома городского совета по вопросу «О проектировании убежищ 2-й категории», проходившего под грифом «Секретно»⁸⁹.

Через восемь дней начальник районного жилуправления С.М. Гостеев⁹⁰ и инженер по газобезопасности Лебедев направили в военный отдел райкома ВКП(б) докладную записку о ходе выполнения программы спецстроительства на 1941 г. по домохозяйствам Ленинского района⁹¹.

Из документа узнаем следующее.

В 1936–1940 гг. построены газобезопасности по пяти адресам района, из них два – на Сутугиной улице, в домах № 5 и № 7. В 1941 г. в этих убежищах заменили деревянные двери на металлические. Однако не указывалось, насколько эти газобезопасности были обеспечены необходимым инвентарем, связью, сигнализацией, гидроизоляцией и запасным резервуаром воды.

Строительство убежищ 1-й категории в 1941 г. предусматривалось по девяти адресам, в том числе – Нарвский пр., 9, убежищ 2-й категории – по 25 адресам («точкам»). Из намеченных 183 точек под строительство убежищ 3-й категории («простейшего типа») комиссия райисполкома признала пригодными только – 76.

А далее на нескольких страницах излагались факты, по которым у читателя, даже не знакомого с особенностями оборонительных работ, создается впечатление, что условия «мирного» социалистического строительства в общем-то не отличались от «спецстроительства» (в отдельно взятом Ленинском районе, подчеркиваю), что проблемы в подготовке и ходе строительства были теми же: что 1931-й на дворе, что 1941-й, что при возведении бомбоубежища, что силосной ямы.

«Часть этих помещений уже обмерена, [но] технические условия⁹² для строительства этих убежищ до сего времени не получены из Ленжилуправления, что не позволяет приступить к составлению проектно-сметной документации. Строительство убежищ 3-й категории совершенно не обеспечивается строительными материалами, что безусловно создает угрозу в проведении работ»⁹³.

«Строительными материалами спецстроительство снабжается весьма плохо». На 1941 г. было получено только 35 т цемента, 20 рулонов толя, 15 рулонов рубероида и 6 унитазов. Материалов на производство сантехнических работ не опущено. «В результате неоднократных требований» района Ленжилуправление выделило «всего» 15 кубометров бревен, четыре задвижки марки «Лудло», 1 т фанины и 800 кг газовых труб. Но РЖУ⁹⁴ не может это получить «из-за отсутствия материалов в Ленжилснабе».

«На протяжении всех предыдущих лет спецстроительство обеспечивалось материалами несвоевременно и некомплектно, что привело к нарушению сроков сдачи объектов, а также несвоевременному проведению необходимого ремонта в существующих убежищах, что не обеспечивает их полной пригодности к эксплуатации. <...>

В 1941 г. совершенно не получали бетонные изделия (колодцы, трубы для канализации и др.) и не известны перспективы снабжения этими материалами. Нет также бревен для установки креплений, кирпича доброкачественного, пригодного для спецстроительства (отпускаемый кирпич 3-го сорта не пригоден), нет провода для электропроводки, не разрешен до сих пор вопрос об установке счетчиков в г/убежищах, что приводит к недоразумениям и отклю-

---

⁸⁹ Там же. Ф. 4900. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–2.

⁹⁰ Сергей Михайлович Гостеев занимал эту должность с 1938 г. В 1942 г. стал заместителем председателя Ленинского райисполкома. В 1944–1949 гг. возглавлял Жилищный отдел Ленгорисполкома.

⁹¹ ЦГА СПб. Ф. 4900. Оп. 1. Д. 4. Л. 3–5.

⁹² Имелось в виду: «технические задания».

⁹³ ЦГА СПб. Ф. 4900. Оп. 1. Д. 4. Л. 4.

⁹⁴ Районное жилищное управление.

чению ряда убежищ от сети. Отсутствуют материалы для гидроизоляционных работ (битум, рубероид). Не обеспечено спецстроительство водопроводными трубами и фитингами.

Не ясен до сих пор вопрос обеспечения материалами убежищ простейшего типа, которые должны быть построены к 1-му июля. По заявлению Нач. Ленжилуправления т. ХАНУТИНА⁹⁵ рассчитывать на получение фондовых материалов не приходится. Между тем, рекомендовано производство работ частично вести хозспособом управхозами, которые без выделения материалов по фондам не смогут справиться с такой сложной работой, такое же положение создается и в Ремконторах»⁹⁶.

10 июня 1941 г. последовало решение исполкома Ленинского райсовета об изменении списка объектов под строительство убежищ 1-й категории. Строительство убежища на Нарвском пр., 9 было отнесено на 3-й квартал, к 1 августа 1941 г.

В списке подвальных помещений, отводимых под строительство убежищ 2-й категории, значились дома № 16 по Бумажной и № 2/4 по Лифляндской улицам.

Дом № 2/4 был построен в 1875 г. по проекту архитектора Н.В. Трусова. По чертежам двухэтажный деревянный дом имел длину 25 м по лицевому фасаду, выходящему на Лифляндскую улицу. Два входа имелись с задней стороны строения. Внутренняя планировка дома была коридорно-гостиничного типа. Комнаты – одинаковых размеров, с одним окном и круглой печью в каждой.

За этим домом по одной линии располагался точно такой же. Оба строения имели каменный фундамент и «надлежащую вентиляцию» «при отхожих местах» на первом этаже⁹⁷.

По обмеру и оценке подвального помещения в качестве предполагаемого бомбоубежища в доме № 2/4 его внутренняя высота составляла 2 м 40 см, площадь 100 кв. м. Подвал «не затопляется», имеет кирпичные своды, общее состояние подвала – «хорошее»⁹⁸.

Подвал в доме на Бумажной ул., 16 имел высоту 2 м и площадь 100 кв. м, но при его осмотре было отмечено, что при подъеме грунтовых вод подвал «затопляется».

Строительство обоих убежищ определялось сроком с 5–6 сентября по 1 ноября 1941 г.⁹⁹.

Запланировано было (но, судя по документам, не оформлено решением) также строительство бомбоубежищ и по другим адресам: в трехэтажном доме № 12 по набережной Бумажного канала¹⁰⁰, где подвал имел высоту 2,2 м, перекрывался металлическими балками; в шести домах по Нарвскому проспекту, в которых подвалы были разной высоты, наивысшая составляла 2,25 м. Во всех подвалах хранились дрова. Ориентировочная стоимость одного убежища оценивалась в 12 тыс. руб.¹⁰¹.

Знали ли жильцы вышеперечисленных домов в начале лета 1941 г. (и ранее), для каких целей начали очищать их подвальные помещения, обмерять их, завозить строительные материалы и т. д., гадать не будем. Но некоторые должностные лица выражали озабоченность.

2 июня 1941 г. директор 2-й оптово-торговой плодоовощной базы «Лензаготплодоовощторга» направил письмо председателю Ленинского райсовета (выдержки):

«Арендуем мы в Вашем районе следующие подвальные помещения». В числе перечисленных: Обводный канал, 156 и 154, Лифляндская улица, 2/4 и 6/8, Бумажная улица, 1, Суту-

⁹⁵ М.А. Ханутин с января 1940 г. являлся председателем бюджетной комиссии Исполкома и заведующим жилищным управлением Ленгорсовета.

⁹⁶ ЦГА СПб. Ф. 4900. Оп. 1. Д. 4. Л. 5.

⁹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 109. Д. 5560. Л. 196 об.

⁹⁸ ЦГА СПб. Ф. 4900. Оп. 2. Д. 4. Л. 11.

⁹⁹ См.: там же. Л. 8, 11.

¹⁰⁰ Разрешения на постройку каменных на нежилых подвалах дома, конюшен и надворных служб Техническое отделение городской Управы выдало в период с октября 1906 по сентябрь 1907 гг. (ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 6071. Л. 1, об., 8 об., 12 об.).

¹⁰¹ ЦГА СПб. Ф. 4900. Оп. 2. Д. 4. Л. 17.

гина улица, 5 и Нарвский проспект, 11. «Просим сообщить, какие из занимаемых нами под овощехранилища подвалы Райсовет намерен отнять для специальных целей».

«Вместе с тем сообщите, какие из перечисленных подвальных помещений, Вы предлагаете нам оборудовать под Тамбоубежище¹⁰² с оставлением их за нами» – «в текущем году ожидается большой план завоза, а у нас площадь не только не увеличилась, а наоборот уменьшается»¹⁰³.

* * *

Представим, что июль месяц 1941 г. остался по-прежнему «мирным». Многочисленные посетители парка имени 1 Мая (и «гости нашего города») были бы, без сомнения, удивлены, что в северо-западную, тем более, что «бесплатную», часть парка их перестали пускать, а в самом парке что-то не появляются анонсированные «Ленинградской правдой» новые сооружения «для больших народных гуляний».

Секретом не было, что не так далеко от парка, на 8-й и 10-й Красноармейских улицах, «жили военные». Действительно, там располагались казармы, полковая школа и столовая 2-го зенитно-пулеметного полка 2-го корпуса ПВО. «Задачей полка и еще нескольких частей МЗА¹⁰⁴ было не допустить бомбежек города с небольших высот»¹⁰⁵.

Из приказа по полку № 14 от 17 января 1941 г.: «...Проведена проверка готовности 1-й и 2-й рот к стрельбе по конусу. Личный состав подготовлен к стрельбе неудовлетворительно. <...> К 21 января изжить недостатки»¹⁰⁶. 8 февраля обе роты участвовали в лыжных соревнованиях в рамках Всеармейского лыжного кросса имени маршала Тимошенко.

С 14 по 26 апреля 1941 г. начальник Главного управления ПВО РККА генерал-полковник Г.М. Штерн с группой офицеров проверил состояние дел в большинстве частей 2-го корпуса ПВО. Результаты проверки оказались малоутешительны¹⁰⁷. Акт проверки был направлен командующему Ленинградским военным округом в начале мая.

11 июня 1941 г. Архитектурно-планировочное управление исполкома Ленгорсовета (далее – АПУ) за подписью начальника М.В. Морозова¹⁰⁸ и заведующего Отделом регулирования строительства направило под грифом «Совершенно секретно» письмо председателю Ленинского райсовета, копия направлялась в Управление 2-го корпуса ПВО.

Письмо уведомляло, что во исполнение решения № 102 Исполкома Ленгорсовета от 3 июня 1941 г. АПУ закрепляет за Управлением 2-го корпуса ПВО земельные участки в районе. Прилагался их список и выкопировки из плана Ленинграда, на них литерой «А» обозначались участки для расположения огневых точек.

Список состоял из пяти участков: на Ново-Сивковской улице, сквер перед Балтийским вокзалом, комендантский склад на Варшавском вокзале, один из дворов на заводе имени Степана Разина и северо-западная часть парка имени 1 Мая.

---

¹⁰² Так в тексте документа.

¹⁰³ ЦГА СПб. Ф. 4900. Оп. 1. Д. 58. Л. 18.

¹⁰⁴ Малокалиберной зенитной артиллерии.

¹⁰⁵ *Лейзеров А.Т.* Они защищали небо Ленинграда: Из истории 2-го зенитно-пулеметного полка Ленинградской армии ПВО. Л.: [Б. и.], 2001. С. 104.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ См.: *Мильченко Н.П.* Залпы над Невой. М., 1983. С. 9. В июне 1941 г. Н.П. Мильченко был командиром батареи 169-го зенитно-артиллерийского полка 2-го корпуса ПВО.

¹⁰⁸ Осенью 1941 г. Михаил Викторович Морозов, продолжая исполнять обязанности начальника АПУ, был назначен также уполномоченным Военного совета Ленинградского фронта по строительству броневых, пушечных и пулеметных сооружений. На январь 1944 г. занимал должность начальника Проектно-планировочного управления Исполкома Ленгорсовета.

Площадь закрепляемого участка в парке определили размером в 200 x 300 м¹⁰⁹. На выкопировке границы участка таковы: Бумажный канал – берег Екатерингофки – Петровский канал в парке – Лифляндская улица.

Этим же письмом все закрепленные за 2-м корпусом ПВО участки, «по первому требованию и в назначенный срок», должны быть ему переданы. Для чего Ленинскому райисполкому надлежало «немедленно разрешить все имущественно-правовые вопросы с организациями, занимающими участки в границах, указанных на выкопировках из плана», и «не допускать застройки отведенных районов огневых позиций и прилегающих к ним районов в радиусе 500 метров»¹¹⁰.

19 июня 1941 г. составлен акт в том, что заместитель председателя Ленинского райисполкома В.И. Предкель передал, а представители 2-го корпуса ПВО подполковник Торопов и капитан Гирейко приняли все участки¹¹¹.

22 июня (время отправки не указано) 1941 г. АПУ направило в Ленинский райсовет дополнение к своему письму от 11 июня. Оно представляло собой материалы по строительству площадок под установку огневых точек МЗА: расчет конструкций под открытую площадку для установки огневой точки (на пяти страницах) и чертеж технического проекта площадки¹¹².

Днем ранее начальник инженерной службы 2-го корпуса ПВО полковник Михайлов 21 июня 1941 г. внес в документацию исправления. Такие, например: «За рейку заложить обойму снарядов толщиной 0,07 м», «в стенах сделать карманы для обойм из 5 снарядов», «всю площадку сдвинуть влево»¹¹³.

Входящий номер полученного дополнения АПУ датирован в Ленинском райисполкоме 23 июня 1941 г.

В обоймы по 5 штук снаряжались патроны одноствольной малокалиберной, на 4-станинном лафете, 37-мм автоматической зенитной пушки.

Согласно «Руководству службы» орудия¹¹⁴, главной его задачей определялась борьба с целями на высотах до трех километров и на дальностях до четырех километров. Орудие могло быть также использовано для стрельбы по наземным целям.

Серийное производство пушки началось в 1939 г. в Ленинграде. Открывание затвора после выстрела, подача патронов в патронник, закрывание затвора и ряд других действий осуществлялись автоматически. Ножная педаль увеличивала скорость подъемного механизма. Вручную осуществлялось наведение орудия, прицеливание, подача 8-килограммовых обойм с патронами в магазин. 732-граммовый снаряд (броневой или осколочный) мог поразить цель, движущуюся со скоростью до 500 км/час. Темп стрельбы равнялся 180 выстрелов в минуту. Почти все параметры движения цели определялись на глаз. Для перевода орудия из походного положения в боевое требовались усилия расчета орудия. Расчет состоял из семи человек, из них пятеро (от наводчика по азимуту до заряжающего) во время стрельбы должны находиться на платформе станка, 37-мм пушка до 1943 г. была без щитового прикрытия.

---

¹⁰⁹ ЦГА СПб. Ф. 4900. Оп. 2. Д. 3. Л. 7, 9.

¹¹⁰ Там же. Л. 6.

¹¹¹ Там же. Л. 14.

¹¹² Там же. Л. 13–25.

¹¹³ Там же. Л. 25.

¹¹⁴ 37-мм автоматическая зенитная пушка обр. 1939 г.: Руководство службы. М., 1948. Главный конструктор орудия – М.Н. Логинов.

* * *

19 мая 1941 г. у учащихся 1-3-х классов ленинградских школ начались каникулы. Учащиеся других классов готовились к переходным и выпускным экзаменам.

Но никто из них не знал, что еще 11 апреля 1941 г. начальник 1-го сектора Военного отдела Ленгорздравотдела составил сводные сведения «о помещениях, предназначенных для развертывания госпиталей» по Ленинграду, Пушкину и Кронштадту. В документе перечислены 22 школы постройки 1936–1940 гг. и номера госпиталей.

И учащиеся также не знали, что уже в течение года, с весны 1940-го, составлялись и подписывались «Акты на отвод помещений» школ и детских садов. На какой срок? – «На все время войны»¹¹⁵.

Какой войны – не уточнялось: *наступательной* или *оборонительной*.

Из групповых фотоснимков, сделанных незадолго до начала войны, я выбрал этот. Я знаю номер дома и улицу, где его сделали. Но не называю сознательно. Это снимок – своего рода обобщение. Я его назвал «Дети предвоенного ленинградского двора». Лица, взгляды, прически. Одежда, шапочки, бескозырки, кепки. Дворовый мяч и домашние кошки. Стена дома.

Уходя на каникулы, ученики получали задания готовиться к предстоящим лермонтовским дням в школах, приуроченным к столетию со дня гибели поэта...

*Дети предвоенного ленинградского двора.
Публикуется впервые*

Жили в окрестностях парка имени 1 Мая по-разному. В одиночку, «бригадами», семьями. В основном большими.

Многодетным семьям решением районного исполкома назначалось «единовременное государственное пособие».

Например, у уборщицы домохозяйства № 176, проживавшей по Нарвскому проспекту, в доме № 10, Таисии Георгиевны Костюниной (1900 г. р.), было восемь человек детей – от

¹¹⁵ ЦГА СПб. Ф. 9156. оп. 6. Д. 6. Л. 46, 74.

двух месяцев до двадцати одного года. 10 мая 1941 г. ей назначили пособие – 2 тыс. руб., до достижения восьмым по счету ребенком пятилетнего возраста¹¹⁶

---

¹¹⁶ Там же. Ф. 4900. Оп. 1. Д. 53. Л. 36.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.